

ЭТИКА АУТОНИКА

Ascensus ad Principium Tertium
Восхождение к Третьему началу

Мы начнем с этики по необходимости: она настроит нашу внутреннюю оптику и определит позицию, из которой начнётся дальнейший процесс. Её понимание удержит нас от появления возможных искажений, которые всегда возникают без точки опоры.

Предварительно важно провести разграничение, ведь сказанное в этой этике можно воспринять как универсалистское обобщение, что в корне не так. Универсализм норм — это установка на общую схему: «так должно быть всегда и для всех». В нём живое неизбежно превращается в абстрактное, оторванное от самой реальности.

Этика Аутоника — не «новый кодекс правил», а утверждение: каждый человек уникален и несводим к ярлыку. Отсюда вытекает необходимость безоценочного и соучастного отношения к другому — вне зависимости от обстоятельств. Это не обобщение ради контроля, а, напротив, разрушение самих механизмов обобщения - это больше про универсальность позиций.

Далее, речь идёт не о навязывании единой системы, а об указании на фундаментальную структуру человеческого бытия: уникальность, неоценимость, несопоставимость и если универсализм стремится всех уравнивать и привести к одинаковости, то моё убеждение прямо противоположное: каждый — всегда иной, неповторимый, единственный.

НЕ ОЦЕНИВАЙТЕ

Renuntiatio titulis et potestati
Отказ от ярлыков и власти

Никто не выбирает, кем и в каких условиях родиться: в какой семье, в какой части земли, с каким цветом кожи, с каким разрезом глаз, с каким ростом или телосложением, в каком материальном положении, как не выбирает и всего другого, что будет в его дальнейшей жизни. Как всё это можно оценивать и более того давать этому свою «цену»? Вы не торговцы людей и не оценщики. К слову, деление на талантливых и людей без таланта - та же самая оценочность в сути которой та же иерархия, та же система цен и ярлыков, в которой одни оказываются «одарёнными», а другие «обычными» или «ничтожными». В каждом человеке есть глубинный потенциал, который нельзя измерить категориями успеха или признания — человек

уникален и не подлежит сравнению. Не превращайте человеческое в товарное: человек не вещь среди вещей.

Безоценочность — это не совет или норма поведения, это про изменение самой позиции восприятия как другого человека, так и мира. Никогда не поддавайтесь на социальные, культурные и прочие установки, кем бы они ни были созданы и ради каких бы целей или идей ни были сформулированы. Оценка не только в сути своей субъективна, но и искусственна: она всегда навязывает миру систему координат, которой в нём изначально нет. Мир не даёт ярлыков — они результат человеческой культуры, истории, традиций.

Оценка — не отражение истины о человеке, а инструмент власти, контроля, разделения. Не позволяйте себе этого, не позволяйте другим сбить вас с пути: среди всего, что сталкивается и разделяет, всегда будьте на стороне человека и человечности.

Не указывайте пальцем на другого, даже когда все указывают. Не кричите, даже когда все кричат. И даже в сердце своём не допускайте оценочных суждений — ни малых, ни великих, как бы они ни будоражили вас и какую бы награду ни сулили. Старайтесь исправлять это в себе: и это тоже процесс, пусть и длиною в целую жизнь. У каждого свой путь и свой процесс. Откажитесь от иллюзии контроля и власти над другими.

Не будьте никому судьёй в своём сердце — даже в самый страшный час. Не вам судить: мы не хозяйева жизни, она нам не принадлежит, она была задолго до нас и будет после нас. Оставьте это и обратите внимание на процесс своей жизни, на свои собственные поступки. Не вскармливайте в себе власть над судьбой другого.

С оценочностью пора расстаться навсегда, отбросить её как нечто, что создаёт лишь иллюзии и сбивает с пути. Оценка всегда расчеловечивает: она подобна камню, брошенному с горы — рано или поздно этот камень вызовет сход и принесёт горе. У всего есть начало и конец — и в малом, и в великом, у всего есть последствия.

Важно: Отказ от оценочности — это не отказ от ответственности. Напротив, лишь освободившись от неё, человек может по-настоящему видеть и различать. Отказ от оценочности — это не отрицание способности человека различать, а критика оценочности как структуры власти и иерархии.

Не позволяйте оценкам разделить вас внутри самих себя и с теми, кто рядом: кто ходит рядом с вами, кто смотрит на вас, кто говорит с вами, кто знает вас и кто не знает о вас ничего. Мы не выбираем, где и кем родиться, но мы можем выбрать, кем стать. И потому, где бы вы ни были, с кем бы вы ни были, в каких бы городах и частях света ни оказались — несите это в себе, говорите об этом твердо и ничего не бойтесь.

НЕ СРАВНИВАЙТЕ

Homo totum, non fragmentum
Человек целое – а не фрагмент.

Когда мы сравниваем или сравнивают нас, мы не видим другого человека в его целостности: мы вырываем отдельный фрагмент его жизни и ставим рядом с собой или с кем-то, или с

чем-то ещё. Человек, (как и всё живое) не сводим к фрагментам: он — целый мир, он — космос, он — становление, которое нельзя сопоставить с чем-то другим.

Сравнение разрушает целостность восприятия: сравнивая, мы перестаём видеть его как уникальное целое и вырываем из него части, которые удобно поставить рядом с нашими или чужими. Сравнение всегда — инструмент разрушения, скрытый под видом объективности.

Как можно сравнивать себя и других между собою: по внешности, по успехам, по наличию способностей, таланта и гениальности, по богатству, по образованию, по силе или слабости, по достижениям или неудачам, и всему остальному? Ведь всякое сравнение обесценивает, искажает и представляет собой ничто иное, как лестницу из иллюзий, где всегда кто-то «выше», а кто-то «ниже». И, бегая по ней, можно всегда найти оправдание чему угодно, но всегда за счёт другого. Сравнение легитимизирует власть - право «мерить» и «ставить на ступени» - не будьте никому судьями и не судите.

Во многих культурах приёмы открытого сравнения, которые подаются как «нейтральный» метод при любом случае (включая творческий процесс), «замораживают» личность — фиксируют её как статичную сущность. Это — форма духовного насилия, разрушение процесса становления. Сравнение — ложный акт и проявление горизонтального стремления: оно пытается совместить то, что по своей сути несоизмеримо.

Человек — не элемент статистики и не «единица» в ряду других. Он не отделим от своего пути, от своего внутреннего опыта, который нельзя положить на одну шкалу с опытом другого. Различайте — внимайте к уникальному. Каждый человек — несравненен.

КАЖДЫЙ УНИКАЛЕН

Datum, non privilegium
Данность, а не привилегия

Не потому, что обладает «особенными качествами», а потому, что сам факт его бытия неповторим. Уникальность — это не доказательство и не награда, не привилегия и не результат усилий; её нельзя заработать или потерять. Она дана с самой первой секунды существования: человек неповторим, незаменим, несводим к чему-то общему.

Горизонталь жизни часто подменяет(скрывает) уникальность под оценками и качествами: талантом, гениальностью, красотой, силой, социальными достижениями и. т. п. Но истинная уникальность в том, что человек есть. Его жизнь не нуждается в оправдании, не измеряется признаками и не сводится к успехам или поражениям. Она не условна и не обратима. Жизнь — это дар, а не проект, который нужно оправдывать.

Что проще: увидеть в человеке уникальность, данную ему изначально, или разложить его на изъяды? Что вы на самом деле желаете видеть? Что легче: поддержать, встать на защиту или осудить? Каждый знает этот ответ.

Разница между «смотреть» и «видеть» — в усилении. Видеть — это поступок; это значит потратить себя, «заволноваться на чужое», отдать внимание, проделать внутренний труд, то есть сознательно отдать себя другому, видеть не глазами, а сердцем. А не видеть, то есть про-

сто смотреть, не требует ничего: это легко, это вписано в социальные структуры и стало инерцией нашего сознания. Выбирая лёгкий и протоптанный путь — особенно путь осуждения, оценки и сравнения — мы разрушаем пространство самой жизни, обедняем её до схем и ярлыков.

Необходимо беречь и защищать уникальность каждого: помогать раскрывать её в процессе становления, поддерживать даже тогда, когда все отвернулись. Уникальность — не абстрактное понятие, а живое и хрупкое явление, требующее защиты и участия: это важная задача человеческих отношений.

Осознание уникальности и неповторимости каждого не просто меняет наш взгляд — оно преобразует сам способ нашего восприятия. Ведь мы начинаем видеть человека не как объект анализа, оценки или сравнения, а как событие, как чудо, которое невозможно измерить, заменить или повторить. Такой взгляд стирает иллюзии обладания другими и ломает привычные структуры контроля: ведь другой перестаёт быть «одним из», он становится единственным.

Несомненно, мир уже меняется, он перестаёт быть системой ролей и функций и раскрывается как пространство, где каждый — не ресурс, а откровение. И хотя нам ещё многое предстоит понять, осознание уникальности уже освобождает нас от сравнения и оценки. Каждый человек — не точка на шкале, а целый мир, отдельная вселенная.

Принятие уникальности — это не «другой способ думать о людях» — это особая «оптика», где каждый человек, каждая жизнь — абсолютное чудо. Ведь я есть ты.

НЕ ИСКУССТВО, А ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Vita contra fixationem
Живое против фиксации

Искусство — это всегда установка: канон, модель мира, система оценок, язык и код, зафиксированный в поле культуры. Установка — ключевое слово, потому что оно подчёркивает не только застывшую форму, но и застывший способ восприятия, идеологию, культурную парадигму. Искусство оформляет и стандартизирует, превращает живой процесс в объект, а творца — в символ или знак, удобный для коллекционирования и эксплуатации. Это не значит, что искусство лишено смысла: оно способно вдохновлять, передавать смыслы между эпохами, открывать новые горизонты восприятия. Но в своей сути оно опирается на однажды утверждённые рамки и не выходит за пределы собственного языка. Наступает момент, когда творец должен преодолеть эти рамки в себе: взбунтоваться и сойти на дорогу неизведанную, свою.

Искусство служит не только культуре, но и политике: оно становится инструментом управления массами, средством создания «эталонной иллюзии», объединяющего ритуала. Оно замораживает фрагменты жизни, превращая их в символы коллективной идентичности. В этой системе творец, не вписывающийся в ритуал, становится нежелательным. Подлинное творчество, приносящее новое и живое, может быть отвергнуто, гонимо или уничтожено, по-

тому что оно разрушает статичность и ломает схемы, на которых держится власть — как в масштабе общества, так и в масштабе личных отношений.

Творчество — это живой динамичный процесс, неподвластный рамкам и вкусам времени. Оно не подражает и не повторяет, а рождает новое из внутренней невозможности не творить, либо создаёт условия для его появления. Этот процесс всегда ускользает от фиксации — а при фиксации умирает, потому что его природа укоренена в становлении. Он принадлежит только жизни, и созерцать его можно лишь в настоящем мгновении.

Искусство может быть следствием творческого процесса, но не наоборот. Искусство оформляет и стандартизирует, творческий процесс рождает и преображает. Искусство собирает уже проявленное, творческий процесс открывает неявленное, соединяя видимое и невидимое.

Нельзя обладать процессом — можно быть с ним, быть им, сознавать себя в нём.

НЕ РЕПЕТИЦИЯ, А ПРОЯВЛЕНИЕ

Creatio sensus
Творение смысла

Проявление — это не хаос и не случайность, а создание пространства для рождения жизни, потенциал, обретающий форму. Оно всегда целостно, самодостаточно и не имеет аналогов: это событие истины, которое не отражает реальность, а творит её заново. Проявление создаёт собственные законы, собственное дыхание и ритм; оно не происходит в уже готовом пространстве — оно само создаёт пространство. Его невозможно воспроизвести, оно может лишь родиться. Это акт рождения смысла, момент, когда творческий процесс перестаёт быть работой и становится процессом жизни.

Здесь творец выступает не универсальным мастером различных освоенных техник, не профессионалом, повторяющий и запоминающий мизансцены, задачи, векторы, а как сотворец становления в непрерывном космическом процессе рождения художественного мира.

Репетиция же — это бегство от подлинного процесса. Она не приближает, а отдаляет, превращаясь в бессознательную инерцию страха и неуверенности перед встречей с самим собой, встречей, которая неизбежна там, где рождается проявление и разрушаются иллюзии. Репетиция — это своего рода фокус, изображение готовности, попытка закрепить схему вместо того, чтобы создать пространство, в котором жизнь становится неизбежной.

НЕ СПЕКТАКЛЬ – А ЯВЛЕНИЕ

Eventus veritatis
Событие истины

Спектакль — это не процесс, а результат его завершения. В сути своей это застывшая форма, репетиционный итог, результат и продукт культуры, готовый к показу, восприятию и оценке зрителем. Его необходимо удерживать в должном(готовом) состоянии в связи с реакцией отторжения встроенных искусственных элементов. Любому спектаклю необходимо создание постоянного напряжения для удержания видимости «живого», в этом отношении жизнь заменяется поддержанием иллюзии жизни.

Несомненно спектакль — это форма, которая стремится к совершенству, но это совершенство обратного свойства, потому как в нем любые требования жизни являются элементом общей структуры, хитростью для ловли внимания. В этом всем незримо пребывает неизбежный этический парадокс и конфликт: совершенство спектакля — это смерть жизни в нём.

Явление же не изображает жизнь, не пытается её воссоздать — оно условие её возникновения. Оно подчиняется исключительно творческому, художественному процессу. Оно не происходит «на сцене», потому как оно пространство: в котором существуют все, от творцов до зрителя, которые становятся сотворцами процесса. Явление – это акт жизни, событие истины, в котором аутоник и «зритель» становятся соучастниками процесса, а не потребителями нечто готового.

Спектакль всегда строится на дистанции: он делается для кого-то, чтобы быть увиденным, оценённым, зафиксированным. Явление же всегда происходит с кем-то: это совместное событие. Спектакль — это репрезентация. Явление — откровение.

В явлении нет привилегированных мест и особых статусов. Здесь нет условий для выделения «главных» и «второстепенных», «создателей» и «наблюдателей» — все равны перед процессом и потому здесь нет дистанций. Всё сказанное не отрицание, а утверждение жизни: её невозможно разложить по рангу. Всё уникально и незаменимо.

В этом понимании театр — не копия мира, а пространство его преобразования. Явление — не форма, а момент встречи с живым и подлинным, с тем, что больше человека.

НЕ РОЛЬ, НЕ ОБРАЗ, А ФАНТОМ

Ab Metamorphosi ad Processum Essentialem
От метаморфозы к сущностному процессу

Фантом — не образ, не тип, не облик и не наглядное представление о ком-то или о чём-то. Он не есть обобщённое художественное отражение действительности и не облечённость в форму чего-то конкретного. Фантом — не материализованная вертикальная сущность: энергия с очертаниями смысла, ещё не пересёкшая порог материи. Он — граница между возможным и явленным, предельное напряжение, в котором рождается новое.

Фантом — не роль и не функция. Он — то, что нельзя заключить в известные формы театрального и культурного опыта: его невозможно играть или изображать, он не может быть исключительно отражением чего-либо — в жизни и на сцене. Он не маска, не репрезентация. Столкновение с ним необходимо понимать как первичное событие, которое не воспроизводит уже существующее, а порождает новое. В данном ключе его следует воспринимать исключительно как то, что в творческом процессе, в процессе создания, станет явлением.

Где актёр и артист видят роль и воплощают заданное в образе, стараются быть убедительными, выразительными, эстетически ценными, там Аутоник видит фантом и в творческом процессе с ним создает явление — событие, где возникает новое — не результат, а начало, не итог, а процесс.

Процесс воплощения фантома в явление — это онтологический акт: художественная способность видеть, где видеть значит делать явным, совершать акт бытийного вызова к существованию. Это способность воспринимать внутреннее и окружающее, соединять их в особом осознании и индивидуальном восприятии создаваемой художественной действительности. Аутоник не транслирует универсальные формы: он всегда созидает то, что не могло бы быть без него, создавая пространство и условия (среду), где фантом преображается в явление.

В творческом процессе Аутоник вступает с фантомом в предельно динамическое столкновение, вследствие которого фантом обретает все свойственные человеку материальные признаки, равно как и признаки мира психического. Аутоник же, его творец, обретает расширение пределов видения: выход за рамки уже известного, преодоление индивидуального “Я” и прикосновение к тому, что больше его самого - обретает не просто «новый опыт», а новое основание своего бытия. В этой встрече оба обретают опыт рождения: фантом — в материальном, Аутоник — в идеальном (духовном).

Возникновение этой реакции — это акт сотворчества и метаморфозы, в ходе которого оба элемента — Аутоник и фантом — неизбежно изменяются, рождая третьё: новую перспективу жизни и реальности, то, чего не существовало ни в одном из них по отдельности, — символ. Но символ не как знак, а как художественный феномен, экзистенциальный поворот, событие истины. Его возникновение — это вспышка новой действительности, не данной прямо и непосредственно, но выводимой и открывающей более широкую жизненную и смысловую перспективу.

Небольшое, но важное отступление: даже самое закрытое сердце сможет прийти до сути, осознав: что ты всегда — вертикаль (запредельная константа) для того фантома, которого ты ведёшь сквозь абсолютную и непроглядную тьму, только возникающего для него бытия. Это — стать взором любящего отца и теплом любящей матери, развиваясь вместе с ним одновременно и свободно, без назидательности и без демонстрации силы.

БЫТЬ В ПРОЦЕССЕ

Libertas contra resultativitatem
Свобода против результативности

Процесс в аутонике — это динамический и выраженный акт внутренней свободы, отказ от схем и фиксаций. Его нельзя рассматривать как бегство от жизни: наоборот, это возвращение к ней и её сути, ведь она сама есть процесс, и она не поддаётся остановке, она — вне всякого обладания. В данном контексте аутоник, творец, художник не просто «существует» — он сам непрерывно творится, создаётся, преобразуется, и это есть процесс. Любая попытка «зафиксировать» жизнь, равно как и «зафиксировать» самого человека в рамки понятий, целей, результатов, — лишает дыхания. Всё живое существует в движении.

Быть в процессе — значит быть в настоящем: созерцать, создавать, искать, совершать поступки, ошибаться, формировать объём, делать выбор и помогать другим обрести этот путь. Это точно не комфортное состояние, а постоянный вызов: процесс требует мужества — не опускать голову, не отворачиваться, встречать жизнь в её напряжении и полноте. Быть в нём — значит также уметь отойти в сторону от принятого: воспитать в себе внутреннюю дисциплину, отказаться от соблазна ложных опор — схем, готовых ответов, внешних подтверждений. Это форма аскезы — «всегда быть, оставаясь самим собой», но не отречения от жизни, а, наоборот, верности её сути. Процесс — это поле между свободой и ответственностью, в котором человек становится непосредственным участником и инициатором собственного становления.

В этом отношении аутоник — не тот, кто кого-то или что-то контролирует, а тот, кто умеет откликаться на вызовы жизни и быть вместе с ней творцом.

С самого рождения человек формируется внутри парадигмы «результативности», где он определяется внешними признаками — оценкой, успехом, показателями. Это превращает его уникальную жизнь в цепь фиксаций, где внутренняя жизнь активно и постепенно подавляется и обесценивается. То, что с его стороны не может быть предъявлено, считается «несостоявшимся».

Природа результативности — это искажение восприятия: в нём человек становится объектом, продуктом, инструментом чьей-то системы. Более того, результативная природа — не просто культурная оболочка, а система управления и контроля (проявление горизонтали жиз-

ни). Она формирует ложный тезис: «Ты — это то, что можно оценить и использовать». Всё, что не имеет внешнего подтверждения, объявляется «несуществующим». Это лишает человека возможности существовать и делает его заложником удобной и нужной для кого-то видимости. В результативной природе ты всегда объект сравнения, оценки, эксплуатации, но только не человек. В этом проявляется фундаментальная тоталитарность результата: он лишает человека глубинного внутреннего основания.

Привлекательность результативности идёт от человеческого стремления к «ясности» и безопасности, ведь пребывание и стремление к результату создаёт образ завершённости, будто бы всё под контролем. Его притягательность происходит от упрощения реальности: он «обещает» готовый маршрут, предсказуемость и смысл. Это оборачивается разрушением, ведь жизнь упрощается до набора постоянных подтверждений собственной ценности. Результат как психический паразитический символ закрепляет в сознании человека необходимость соответствовать внешним критериям. Так создаётся внутренняя тюрьма, где человек живёт не своим ритмом, а навязанной извне схемой.

*Природа процесса иная: в ней нет точек, нет лестниц, нет пирамид.
Есть только непрерывное становление, вечная реакция между рождением и смертью, где каждое мгновение — это не цель и не следствие, а необходимый элемент, который несёт в себе потенциал к пробуждению и изменению.*

Важно: процесс — это не оценка мгновения («правильное» или «неправильное»), а умение быть внутри него. В процессе результата не существует — есть глубина собственного присутствия; нет итогов — есть часть большого движения, где процесс никогда не заканчивается. Всё есть процесс.

НЕ ВОЗМОЖНОСТЬ НЕ ТВОРИТЬ

Necessitas meta-cosmica
Мета-космическая необходимость

В основе бытия творца лежит не выбор, а предельная необходимость: творить потому, что иначе невозможно. Творец в Аутонике не знает границ направления или жанра: он не существует только в пределах театра, живописи, музыки или текста. Все различия вторичны. Любая форма может стать языком его процесса, а любая среда — пространством для проявления.

В этом смысле «не возможность не творить» — акт внутренней и внешней свободы, но свободы особого рода: не свободы выбора между вариантами, а свободы верности внутреннему импульсу бытия.

Творить — не значит «производить» или «создавать продукт», а значит сохранять движение жизни в себе и вокруг. Для творца, аутоника, это способ дыхания, мышления, действия,

поступка. Это тот предел, в котором свобода и необходимость совпадают: я свободен именно потому, что иначе быть не могу.

ЗАВОЛНОВАТЬСЯ НА «ЧУЖОЕ»

Apertura et co-esse
Открытость и со-бытие

Значит выйти за пределы собственного Я, разрушить иллюзию самоцентричного бытия и вступить в процесс со-бытия. Это не жалость и не снисхождение, а экзистенциальное движение навстречу другому, где признаётся его уникальность, неповторимость и необходимость. Заволноваться — значит снять излишние барьеры и защитные механизмы — отчуждения, равнодушия, рационализации — и тем самым разорвать внутреннее стремление к замкнутости и иллюзии комфорта, перестать уже быть крепостью, а открыть себя тому, что приходит извне.

Не ждать света, а самому становиться светом — таков путь преодоления, пусть стойкости, путь расширения границ собственного существования и восприятия. Заволноваться на чужое — не чувство и не мимолётный порыв, а устойчивая позиция сознания, постоянный процесс, удерживающий аутонака открытым миру, другим людям, творческому процессу, всему тому, что им создаётся, мыслится, рождается.

Это — знание и умение видеть сердцем, способность позволить себе чувствовать всё происходящее: быть как с радостями, так и с печалью этого мира.

«Всё это касается меня, проходит через меня; ничто не остаётся чужим».

ИДТИ ДО САМОЙ СУТИ

Ubi apparentia evanescit
Там, где исчезает видимость

Во всём идти до самой сути: суть — не готовый и удобный ответ. Это не «ярлык», закрывающий вопрос, а открытость к тому, что порождает само явление изнутри. Именно поэтому суть необходимо понимать не как предмет обладания, а как горизонт, к которому мы можем приблизиться.

Дойти до сути — значит не останавливаться на видимости. Добавлю, что видимость в сказанном мной не несёт в себе отрицательной коннотации: видимость — это лишь след, но

не причина. Останавливаться на ней — значит подменять своё понимание распознаванием уже некогда знакомых схем.

Идти к сути — это и не принимать удобное для себя и своего объяснение. Отказаться от удобного — это отказаться от власти поверхностных суждений и от власти ярлыка. Необходимо учиться идти от «следствия» к «порождающему», то есть к тому, что делает явление возможным: к полю условий, напряжений, мотиваций, структур.

Создание жизни требует определения её сути во всех её явлениях и проявлениях. Жизнь не сводима к формуле, а потому её «определение» возможно лишь в постоянном процессе: мы можем только снова и снова приближаться к её источнику, раскрывать её, созерцать, улавливать, как она проявляется в конкретных формах.

Идти к сути — это путь к самому себе. Человеку, творцу, аутонику необходимо разрушить иллюзии и ответить на главный вопрос: «Кто я есть на самом деле?» Чтобы открыть дорогу к тому, «кем я могу быть». То есть достичь предела, где прекращается игра заимствованных голосов, и затем перешагнуть их — в пространство осознанности и осознанного поступка.

Суметь отказаться от иллюзий — это отказаться от закреплённых в нас чужих ожиданий, заложенных сценариев, травматических вывихов, социальных ярлыков и прочего. Суметь отделить навязанное от подлинного, научиться не судить себя, вернуть себе возможность быть свободным, быть в процессе творческого процесса и создания.

Это не бегство от мира и, более того, не эгоцентричное самокопание, но встреча с самим собой, принятие себя в наиболее обнажённом и уязвимом виде. Это путь перерождения, но не в религиозном, мистическом контексте, а в экзистенциальном: что означает только переход от состояния ложных определений — к процессу подлинного присутствия. Важно понимать, что и это — несомненный, непрекращающийся процесс, потому как «чужое» внутри нас будет пытаться возвращаться снова и снова. В этом отношении его распознавание и преодоление — это каждый раз новый цикл внутреннего перерождения.

Подлинность — это путь к творческому процессу. Пока творец, аутоник, человек находится во власти чужого — он не творит, а воспроизводит: он принадлежит не себе, а тем силам, что его определяют. Творческий процесс — это дыхание подлинного.

К АУТОНИКУ

In nomine vitae
Во имя жизни

Суть театра — не в форме, не в представлении, не в зрелище. В пределе театр не сводим к подражанию, игре и ремеслу, а есть пространство, где возможен способ войти в диалог с

тем, что в своей сути выше человека, его понимания и восприятия, его сознания, — пространство сотворения жизни, где он может всецело почувствовать, ощутить экзистенциальное напряжение между хаосом (распадом), жизнью и вечностью — и преобразиться. Театр — это процесс раскрытия истины. Не истины как результата, а истины как космического события.

Театр — модель космоса, но не как отражение, а как живое воспроизведение его неистового процесса. В этом отношении театр восходит в масштаб, который превышает всю человеческую культуру.

Становление человека как творца — в его различных, включая изначальные, формах — никогда не было линейным. Более того, в наше время они все одновременно пребывают рядом, существуют одновременно — как скрыто, так и явно. Этот процесс подобен океану: с его приливами и отливами, с его переменчивостью в глазах смотрящего и воспринимающего. Каждая форма — это не только исторический этап, но и ритуал возвращающихся образов, ключевые модусы, в которых человек вновь и вновь ищет и познаёт свою творческую суть.

Это — жрец, открывающий тайное через ритуал, посредник между видимым и сакральным. «Я открываю тайное».

Это — забытый Хипокритес (hypokritēs), тот, кто познавал чувственно-материальный космос через игру и, в этом оплоте всеобщего героизма, открывал самого себя в замкнутой системе обобщений природных свойств и явлений. «Я играю».

Это — лицедей, в своём внеисторическом измерении изображающий жизнь через притворство: и неважно, скрывается ли он за объектно созданной маской или за маской психологического свойства. Он и она открыли, в сути, опыт множественности. Он и она — это не ложь, а пространство, где любой человек пробует быть другим, учится видеть себя как «другого». «Я изображаю, я притворяюсь».

Это — актёр, отражающий жизнь через действие, человек-зеркало, в котором преломляется окружающая его действительность; тот, кто пытается этически оправдать лицедейство и всячески, как может, стремится к иллюзорному моральному идеалу. «Я отражаю, я действую».

И это — артист, тот, кто познаёт жизнь и самого себя в ней через всевозможные формы искусства, вспышка, возникающая и угасающая в замкнутой и безвыходной системе установок и меняющихся координат. Артист, тень актёра и вместе с этим символ культуры и искусства: он и свобода в форме, и заточение в ней. «Я познаю, я выражаю».

Аутоник — это не «ещё одна фигура» в истории, а её прорыв вовне, разрыв замкнутого круга репрезентаций и освобождение. Ты не изображаешь (не убеждаешь) и не повторяешь (не воспроизводишь) — ты создатель условий, где жизнь становится неизбежной. «Я творю, я создаю».

Аутоник — создающий жизнь через поступок. Ты — союз (соединение) противоположностей, где встречается то, что обычно разорвано и противопоставлено. Аутоник не выбирает сторон, но в отношении смерти и горизонтали он обнажает и высвечивает её во всех её про-

явлениях; он встречает её и удерживает её напряжение, открывая стремление к жизни во всех проявлениях — как в себе, так и в остальных.

Ты не герой, который тождественен смерти, — ты творец, который тождественен жизни. Ты превращаешь внутренние и внешние конфликты в энергию рождения, в событие истины, тем самым создавая третье. Ты — проводник: не в смысле «передачи» нечто готового, а в том, что открывает путь для того, что больше тебя самого. Ты — никто, и ты — всё.

Если птица Феникс, сгорая, вновь рождается из пепла, то Аутоник пробуждается в прахе этого мира и прорывается сквозь него в единственном возможном стремлении — имя, которому жизнь.

***